

Svetlana Savranskaya,
Thomas Blanton

The Last Superpower Summits: Gorbachev, Reagan and Bush. Conversations that Ended the Cold War

Budapest: Central European University Press, 2016

Журналисты и официальные лица, присутствовавшие на последних саммитах холодной войны, ощущали, что история творится у них на глазах. Это чувство сопровождалось неуверенностью: мы не понимали, как и почему это происходит. Журналисты всегда стояли снаружи, лишь пытаясь заглянуть внутрь, и никогда точно не знали, что именно главы США и СССР говорили друг другу. Чиновники в основной своей массе знали чуть больше — но ненамного. В то время охватить взглядом всю картину было очень сложно. Будучи корреспондентом *Washington Post*, я освещал большинство заключительных саммитов холодной войны — от Женевского в 1985 году до Мадридского в 1991. Много лет спустя, собирая материалы для книги “Мёртвая рука”¹, я перечитывал свои записи и внезапно ощутил страшное разочарование. Я попросту очень мало знал о том, что тогда происходило.

¹ В 2011 году книга “Мёртвая рука” вышла на русском языке в издательстве Corpus — см. <https://www.corpus.ru/products/the-dead-hand.htm> (доступ 21.07.2017). Рецензия Александра Гольца в журнале *Pro et Contra*, 2010. Т. 14, № 4–5. URL: http://carnegieendowment.org/files/ProetContra_50_145-157.pdf (доступ 21.07.2017).

Книгу Светланы Савранской и Тома Блэнтон я открыл с чувством облегчения и восхищения. Наконец-то историки собрали воедино все, что говорили друг другу в этот захватывающий переломный период главы СССР и США. Авторское предисловие содержит тонкие и глубокие соображения, которые помогают воспринимать публикацию документов как связное повествование. Савранская и Блэнтон создали живое свидетельство последних лет холодной войны, незаменимое для всех, кому интересно, как завершилась эта эпоха. В основе книги лежат расшифровки и документы, рассекреченные в США и России в последующие годы. Авторам пришлось побороться, чтобы выволить часть этих документов из архивов.

Меня ожидало немало открытий. 15 марта 1991 года я освещал встречу госсекретаря Джеймса Бейкера III с президентом СССР Михаилом Горбачевым в Москве. Для России это было время бурных событий: Ельцин набирал популярность, единство СССР было под угрозой из-за нарастающих национальных движе-

ний — и американские СМИ следили за каждым шагом Бейкера.

Встреча с Горбачевым началась с фотосессии в Кремле; за ней последовали брифинги для прессы. В статье для *Washington Post* я рассказывал о прогрессе в переговорах о контроле над ядерным вооружением, а также о крайне напряженной ситуации в СССР. На следующий день Бейкер должен был встретиться с Ельциным. Кроме того, в резиденции посла Соединенных Штатов в Спасо-хаусе планировался ужин с радикальными реформаторами, критикующими Горбачева, и главами других советских республик, где зрели протестные настроения.

Во время фотосессии я сделал снимок. Фото вышло так себе, потому что в другой руке я держал диктофон — видимо, на случай, если вдруг будет сказано что-то, заслуживающее цитирования. Диктофон попал в кадр. Это был обычный день из дипломатической жизни сверхдержав. Сразу после этого нас вывели из зала и заперли за нами двери.

Я совсем не представлял себе, о чем шла речь за столом переговоров (Р. 816–817). Бейкер поднял весьма острый вопрос, связанный с утверждениями западных стран о том, что Советский Союз разрабатывает масштабную программу по созданию бактериологического оружия, тем самым нарушая подписанную Москвой Конвенцию 1972 года о запрете бактериологического и токсинного оружия. Бейкер обратился к Горбачеву: “Мы говорим о том, что в СССР существует колоссальная программа по производству биологического оружия, — сказал он. — В ней задействованы 25 тыс. человек; в рамках этой программы было создано 10 научно-исследовательских институтов и 20 промышленных предприятий. Эта программа на 40% финансируется министерством обороны. Ее возглавляют военные, а 40% научно-исследовательских проектов засекречены... На предприятиях есть специальные бункеры, где на животных испытывают разнообразные бактериологические вещества. Некоторые из этих бункеров были построены недавно”. Бейкер продолжил перечислять подробности.

Горбачев был готов дать отпор. Он сказал, что, вероятно, США неправильно истолкова-

ли существующую в СССР еще с тридцатых годов практику объединять промышленные и научные объекты на крупных предприятиях. Горбачев напомнил, что президент Джордж Буш в последний раз поднимал этот вопрос в Кэмп-Дэвиде на саммите 1990 года, когда стороны приняли решение обменяться визитами специалистов. (Впрочем, когда американские и британские эксперты осмотрели советские предприятия, их подозрения лишь усугубились; потому, собственно, Бейкер и поднял вопрос вновь.)

Затем Горбачев попытался увильнуть от темы. “Может, это все фантазии?” — спросил он.

“Нет, мы так не считаем”, — ответил Бейкер.

Тут вмешался министр иностранных дел Александр Бессмертных (Р. 818). Он заявил, что концентрация производства в СССР не сильно отличается “например, от *General Motors*”. Бейкера этот аргумент не убедил, и он стал настаивать, чтобы Горбачев ознакомился с документом, в котором на основании данных, полученных во время визита специалистов, были зафиксированы подозрения Запада. Горбачев неохотно согласился, но был очень озадачен тем, что Бейкер отнюдь не горел желанием завершить обмен визитами и продемонстрировать советским специалистам американские предприятия. (В конце концов они все же прибыли в США в том же году и не нашли в Америке биологического оружия.)

Эти словесные баталии оказались бы на первой полосе, знай я о них в тот момент. Но я о них не знал. Слово “бактериологический” не появилось в моей статье ни разу. Та беседа хранилась в секрете еще много лет, но теперь, благодаря данной книге, разговор полностью обнародован, и журналисты и историки получили к нему свободный доступ. Документы были обнаружены не в американских архивах, а среди записей архива Горбачев-Фонда, который опубликовал их в 25-м томе Собрания сочинений М. С. Горбачева.

И на саммите в Рейкьявике — возможно, самом главном за всю ядерную эру — у меня было то же ощущение “постороннего”, ко-

того не допускают к главным событиям. Встреча в Исландии 11–12 октября 1986 года планировалась как неформальная. Однако вскоре и она превратилась в рискованную игру с историей, и ставки в этой игре были высоки как никогда.

Во время самого саммита новостей для прессы было очень мало, а брифингов для тысяч собравшихся репортеров не проводилось вовсе. Я помню напряженное ожидание накануне гигантской пресс-конференции, которой завершился саммит. На ней было объявлено, что Рейган и Горбачев вплотную приблизились к тому, чтобы заключить соглашение о полной ликвидации ядерного вооружения, но в последний момент договоренность сорвалась. Кажется, саммит завершился полным крахом. Уныние охватило всех вокруг.

Но изложение саммита в Рейкьявике в книге Савранской и Блэнтон показывает, сколь много Рейган и Горбачев сумели достичь, даже при том что в конце концов соглашение не было подписано. На последней встрече 12 октября был момент, когда Рейган внезапно оживился. Госсекретарь Джордж Шульц и Горбачев бились над деталями соглашения о ликвидации ядерного вооружения, и тут Рейган, до сих пор в основном хранивший молчание, вдруг заговорил (Р. 231):

“Позвольте спросить”, — начал он. Его предложение, прозвучавшее вслед за этим, оказалось самым смелым из всего, что до сих пор озвучивалось за столом переговоров на саммите. Рейган предложил ликвидацию ядерных вооружений, включая “все ядерные взрывные устройства”: “бомбы, тактические вооружения, крылатые ракеты, ракеты подводного базирования, ракетные комплексы средней дальности и т. д.”.

Горбачев: “Да, можем это записать, перечислить все эти виды вооружения”.

Шульц: “Давайте так и сделаем”.

Горбачев согласился на ликвидацию ядерного оружия, но при одном условии. Он хотел, чтобы в ответ на его значительные уступки Рейган ограничил американские разработки противоракетной обороны с тем, чтобы они не выходили за пределы лабораторий.

Рейган заартачился. “Вы хотите разрушить мои мосты...” к Стратегической оборонной инициативе — системе ПРО, которая, по замыслу Рейгана, должна была охватить весь мир. Он заявил, что не готов на это пойти. Неужели Горбачев правда хочет уничтожить все достигнутые договоренности из-за одного-единственного слова — оттого, что в тексте соглашения не будет слова “лаборатория”? (Р. 234)

После этого переговоры пошли наперекосяк и завершились без подписания соглашения. Когда читаешь их расшифровку сегодня, мурашки бегут по коже от сознания того, как близко мировые лидеры подошли в Рейкьявике к ликвидации ядерного оружия и как упрямо Рейган цеплялся за мечту о системе ПРО — системе, которой не существовало на тот момент и которая никогда не будет создана в том виде, в каком он ее себе наметал.

“Не знаю, представится ли нам еще подобный шанс и доведется ли встретиться в ближайшее время”, — посетовал Рейган в конце саммита.

“Я тоже не знаю”, — ответил Горбачев (Р. 235).

Но они встретились. Через год президенты согласились ликвидировать целый класс ядерных ракет, размещенных в Европе.

Особую ценность работе Савранской и Блэнтон придает умелое обращение с историческим материалом. Рядом с документами по рейкьявикскому саммиту в книге помещены другие документы, позволяющие проследить реакцию обеих сторон — в частности, ценнейшие записки, которые делал в самолете по пути в Москву помощник Горбачева Анатолий Черняев. “Не нужно отчаиваться”, — отметил Горбачев, справедливо полагая, что и без соглашения саммит оказался весьма результативным. “Мы можем подождать”, — уверенно сказал он (Р. 238–239).

Об этой личной оценке, как и о многом другом, журналисты не знали. На следующий день в заголовках по всему миру саммит был объявлен “провальным”. Я вспоминаю, что Макс Кампельман, переговорщик по контролю за вооружением со стороны США, стоял

за кулисами пресс-конференции чуть ли не в слезах. Но мы все наблюдали за этим снаружи, и в тот момент никто из журналистов не знал, что на самом деле ситуация выглядела совершенно иначе. Эта книга — бесценный путеводитель по реальным событиям.

В основе книги 157 документов, охватывающих период с Женевского саммита 1985 года до саммита в Мадриде в 1991 году. Среди них расшифровки не только саммитов, но и встреч с участием министров иностранных дел и других деятелей, а также различные докладные записки. Авторы отмечают, что некоторые документы им пришлось исключить из окончательного варианта, но они неизменно отдавали предпочтение разговорам между самими лидерами — тем конкретным словам, которые были произнесены во время встреч Рейгана и Буша с Горбачевым. “В этой книге — американская или российская версии практически каждого слова, произнесенного на саммитах, по крайней мере, в той степени, в которой переводчики и стенографисты сумели их сохранить”, — пишут авторы (Р. XX-XXI).

“Читая эти документы, — пишут Савранская и Блэнтон, — невольно содрогаешься, думая об упущенных возможностях, обоюдной слепоте — и о том, что более безопасный мир так и не стал реальностью, оттого что на саммитах стороны не захотели или не смогли лучше понять друг друга. Но при этом мы не устаем удивляться и тому, как разговоры на саммитах помогли завершить холодную войну” (С. XXI).

В расхожих представлениях о холодной войне центральное место занимает ядерное оружие — ракеты с радиусом поражения в целые материки, бесшумные подводные лодки, бороздящие морские просторы, грозные бомбардировщики. Но ведь главная опасность была не в вооружениях как таковых. Главную угрозу представляло то, что происходило в умах людей, прежде всего — глав Советского Союза и Соединенных Штатов. Снова и снова они не могли достигнуть понимания, снова и снова принимали судьбоносные решения, основываясь на неточной информации, ошибочных суждениях и неверном восприятии.

Это повторялось раз за разом. В 1950-х го-

дах в США боялись, что Америка отстала от Советского Союза в создании современных бомбардировщиков, что на самом деле не соответствовало действительности. В 1960-х страхи были связаны с “отставанием в области ракетной техники”, для чего также не было оснований. В 1970-х и начале 80-х — с “превосходством” советских ракет и “окном уязвимости”. В 1985 году, пытаясь убедить американский народ и Конгресс в необходимости воплощения в жизнь Стратегической оборонной инициативы — программы ПРО, которую критики окрестили “Звездными войнами”, — Рейган заявил, что Советский Союз ушел далеко вперед в развитии подобных технологий и США необходимо его догонять. Это заявление не соответствовало действительности. СССР попытался создать подобную систему противоракетной обороны, основанную на оружии направленной энергии (лазерах), — но к концу 70-х стало окончательно ясно, что подобный замысел наталкивается на серьезнейшие технологические препятствия и преодолеть их не представляется возможным. Поскольку Рейган упорно настаивал на осуществлении своей мечты, советские разработчики представили Горбачеву собственный проект “Звездных войн”. Большая часть этого проекта не была доведена до конца; Горбачев не хотел начинать новую гонку, теперь уже в космосе, и стремился отговорить Рейгана от его замысла. Именно это он попытался сделать в Рейкьявике. Но на этом дело не закончилось. На протяжении еще нескольких лет советские чиновники пребывали в сомнениях и задавались одним и тем же вопросом: если их собственные попытки показали, что баллистическая противоракетная оборона на основе лазерного оружия направленного действия практически не осуществима, почему Рейган продолжает тратить на нее такие огромные средства?

Все это показывает, насколько важны были встречи на высшем уровне. Конечно, они не завершили холодную войну. Но встречи Буша и Рейгана с Горбачевым на протяжении шести лет помогали развеивать мифы, добиваться большей ясности в отношениях и позволили продвинуться на пути к ликвидации оружия массового уничтожения. Когда

по окончании Женевского саммита 1985 года Рейган и Горбачев заявили, что ядерная война недопустима и в ней не может быть победителей, они выбили почву из-под ног у сторонников жесткого курса в обеих странах. Слова возымели действие. Именно об этом свидетельствуют документы саммитов, имен-

но это ярко и в мельчайших деталях демонстрирует книга: диалог между противниками неизменно ценен в любые, даже самые трудные времена.

Дэвид И. Хоффман